

обработка участка земли — необходимое условие для пользования им (стр. 361), имея в виду, что первоначальное право собственности давалось возделыванием почвы. Например, право на суходольный участок имеют до тех пор, пока его обрабатывают. Причем право собственности тесно связано с вложенным трудом. Очень интересен материал о земельной собственности на *зуонг* (заливные участки). До Августовской революции во Вьетнаме у многих народов сохранялась общинная собственность на *зуонги* (в Бакбо 20% от общей площади земли, в Чунгбо 25% и в Намбо 30%). Общинная земля делилась среди членов общины по-разному. В одних районах — по числу общинников (включая малых детей и еще непогребенных покойников), в других местах — делили землей только мужчин, достигших 18-летнего возраста. У кинь, например, были обязательные периодические переделы, а у тхай и мыонг они не практиковались (стр. 385).

В разделе «Зарождение товарного производства и товарного обмена» Данг Фонг пишет, что непроверяемые данные о товарном производстве во Вьетнаме существуют лишь с эпохи железа (стр. 395). До сих пор у народов Вьетнама сохранилось несколько типов обмена, причем «молчаливый» обмен, по мнению автора, — одна из древнейших форм. Более высокая форма — меновая торговля через посредников; очень часто в этой роли выступали вожди.

В целом исследование Данг Фонга свидетельствует о том высоком научно-теоретическом уровне, которого достигла наука ДРВ. Сделанные автором обобщения существенно расширяют наши представления об экономике и социальном устройстве древних обществ.

Д. В. Деоник, А. Ш. Лескинен

И. В. Подберезский. Сампагита, крест и доллар. М., 1974, 336 стр.

В советской этнографической литературе книг и статей, посвященных проблемам этнопсихологии, пока не очень много. Исследований же монографического характера, посвященных этнопсихологии отдельных народов, практически нет совсем. Работа И. В. Подберезского может, пожалуй, быть названа первой в советской литературе книгой, в которой предпринята попытка провести исследование такого типа.

От обычной монографии ее отличает несколько внешних признаков: в ней нет ссылок и подстрочных примечаний, обзора литературы, историографии вопроса. Однако обширная библиография и целый ряд мест в тексте свидетельствуют, что автор базируется в своих суждениях не только на материалах личных наблюдений, но и на всесторонне изученной им литературе проблемы. Книга написана живым, общедоступным языком, и ее интересно читать не только специалисту, но и любому читателю, интересующемуся жизнью современных Филиппин.

Исследование И. В. Подберезского посвящено в первую очередь тагалам, жизнь которых он мог длительное время изучать непосредственно в стране, и основным материалом ему послужили все-таки именно наблюдения, сделанные им лично. В ряде случаев эти наблюдения касаются и других народов Филиппин, в особенности равнинных, для которых тагалы являются ядром национальной консолидации, так что книга эта в какой-то мере и о филиппинцах вообще.

В названии символически отражены три пласта филиппинской этнической психологии и национальной культуры. Сампагита, «национальный цветок» Филиппин, напоминающий жасмин, олицетворяет исконные, традиционные особенности филиппинской культуры, крест — это символ влияния испанских колонизаторов, выразившегося прежде всего в христианизации основных народов архипелага, и, наконец, доллар должен обозначать изменения в жизни и психологии народа, происшедшие в период развития капиталистической экономики, когда страна находилась не только в политической и экономической, но и в сильнейшей культурной зависимости от США.

Наибольший интерес, с этнопсихологической точки зрения, представляет первый раздел книги, «Сампагита», хотя он и занимает всего одну четверть объема книги. Надо отметить, что и во введении, и в этом разделе автор сумел сформулировать и обосновать свое вполне правомерное критическое отношение к ряду литературных произведений, основанных на наблюдениях и тестовых экспериментах социологов и этнографов преимущественно американской школы, а также к общим методологическим установкам этой школы. Так, например, очень важно и верно его замечание о том, что не обстановка, в которой протекает детство индивида, ответственна за формирование характерных установок общества в целом, а напротив, общество обуславливает обстановку детства индивида и тем осуществляет воспроизведение общественной психологии. Это сказано очень верно. В книге хорошо показано, как специфические черты этнической психологии тагалов и вообще филиппинцев ставятся на службу обществу, точнее его олигархической эксплуататорской верхушке, и способствуют амортизации и приглушению классового антагонизма и классовой борьбы.

Автор разбирает основные поведенческо-психологические категории, глубоко закреплённые воспитанием в каждом филиппинце и по существу являющиеся для него, с точки зрения традиционной этики, социально обязательными.

Это *утанг на лооб*, *хийа* и *пакикисама*. *Утанг на лооб* — это неоплатный моральный долг, в котором оказывается каждый, получивший помощь, услугу, одолжение, перед лицом, оказавшим их. Долг этот обязывает к вечной и всесторонней лояльности по отношению к оказателю услуги, и нарушение этой лояльности рассматривается обществом как поведение некорректное и аморальное.

Комплекс *хийа*, обуславливающий, помимо прочего, и функционирование *утанг на лооб*, охватывает сложный набор таких понятий, как честь, достоинство, стыд, т. е. весьма близко соответствует ближневосточному комплексу *намус*. *Хийа* подразумевает высокую ранимость, и реакция на ущемленный комплекс может выразиться либо в подавленности, либо в вспышке агрессивности, крайним случаем которой является «амок» — истерический порыв к уничтожению и самоуничтожению.

Пакикисама — еще более широкая категория, включающая и *хийа*, и *утанг на лооб*, и выражающаяся в компромиссном, бесконфликтном поведении, умении ладить с людьми, не оскорблять ничьих чувств.

Сравнительные материалы (помимо европейской и американской реальности, которая дает в основном контрастирующие примеры) автор привлекает в основном из китайской этнической психологии.

Действительно, ранимость *хийа* и китайская «потеря лица» — явления весьма похожие. Но еще более разительные соответствия можно было бы получить, привлекая для сравнения японские реалии. *Утанг на лооб* имеет абсолютное соответствие в японских понятиях *он*, *гири*, *онгаэси*; *харакири* можно рассматривать как крайнюю реакцию на ущемление *хийа*; неоднократно проанализированная этнопсихологами японская модель дискуссии и принятия согласованного решения полностью соответствует принципам *пакикисама*; растворимость детей в семье, склонность прибегнуть к помощи близка японскому понятию «*амаэ*»; подобный перечень можно было бы продолжать.

Из этих соответствий можно сделать два существенных вывода. Первый тот, что этнопсихологические категории, как и другие этнографические категории из области духовной и материальной культуры, в принципе могут быть прослежены и очерчены в виде изопрагматических ареальных общностей, совокупность которых обрисовывает границы историко-этнографических областей, подобно тому как в геолингвистике диалектальные области оконтуриваются изоглоссами. Второй вывод, по существу делаемый самим И. В. Подберезским, тот, что сама по себе этнопсихологическая характеристика народа никак не может предопределить, как то нередко можно слышать от буржуазных этнопсихологов, его способность или неспособность к экономическому и политическому развитию: ведь не помешали же индустриализации Японии этнопсихологические категории, идентичные с филиппинскими. Более того, сами по себе эти категории не являются категориями аксиологическими, нельзя их называть хорошими или дурными сторонами народной психологии.

В зависимости от конкретных исторических, социально-экономических, политических условий одни и те же этнопсихологические категории могут играть как полезную, положительную, так и реакционную, или консервативную роль. Подобные социальные функции этих категорий в рамках буржуазного филиппинского общества прослежены автором очень детально. Большой интерес представляет, в частности, проецирование на деформации в этнопсихологии в процессе урбанизации Филиппин выводов, сделанных в свое время Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» о пережитках традиционного, кланового сознания среди ирландских крестьян, легкости их деморализации в ходе урбанизации. С точки зрения филиппинской системы ценностей, урбанизация разрушает систему *хийа*, которая ничем иным не компенсируется. Хочется процитировать очень удачную мысль автора (стр. 68): «Часто приходится слышать, особенно от образованных филиппинцев, что принцип *хийа* есть проявление «колониального мышления» и как таковой служит главным тормозом на пути развития страны. С этим едва ли можно согласиться. Данная система сложилась задолго до колониального периода. Колониализм не породил, а лишь использовал ее. Она следствием определенного уклада жизни, никак не его причина, и только изменения в укладе могут изменить саму систему. Пока же она выполняет вполне определенную защитную функцию, что отмечалось ранее, и в рассматриваемых конкретных условиях играет реакционную роль. В каких-то иных условиях она могла бы содействовать воспитанию скромности и человеческого достоинства. Основное препятствие развитию страны заложено не в системе *хийа*, и вообще не в сфере морали и нравственности, где лишь отражается социальная действительность, а в самой этой действительности».

Нам представляется, что вообще нельзя говорить о формировании «колониального мышления» применительно к трудящимся массам. Оно реально существует, но в основном среди национальной интеллигенции, что, кстати, хорошо показано автором в разделе «Доллар».

Если в разделе «Сампагита» история Филиппин до испанского завоевания и социальная обстановка накануне этого события изложены на двух страницах, и этого для целей, поставленных автором, вполне достаточно, то в разделе «Крест» содержится весьма подробное популярное изложение истории испанского господства на Филиппинах с момента его установления и вплоть до падения. Это тоже оправданно, принимаемая во внимание то, что книга рассчитана на широкого читателя, с конкретной историей Филиппин подробно не знакомого. Но остается впечатление, что испанское

влияние описано автором неполно и несколько недооценено. Помимо нескольких замечаний о внешних следах испанского и мексиканского влияния (Филиппины до 1821 г. были связаны с метрополией не непосредственно, а через вице-королевство Новая Испания в Мексике), здесь говорится почти исключительно о религиозных аспектах жизни и сознания. Основное внимание уделено религиозному синкретизму, показу живучести дохристианских представлений и верований, наличием двух уровней сознания — поверхностного христианизированного и глубинного традиционного. Ценно наблюдение автора, что они сосуществуют, не пересекаясь, и пересечение их может приводить к весьма болезненным последствиям. Как точно определяет их различия автор, верхний уровень активно вербализуется, но не актуализуется, глубинный же слабо или совсем не вербализуется, но постоянно актуализуется.

Раздел «Доллар» излагает историю Филиппин на протяжении XX в. и главным образом посвящен очень яркому изображению функционирования буржуазной «демократии» в обществе, в значительной мере построенном на личностных связях и взаимоотношениях. Красочно нарисованная автором система действовала до 1972 г., до введения президентом Маркосом чрезвычайного положения. Здесь же описаны система образования, характер и роль средств массовой коммуникации, их место в формировании сознания. В стране, как показывает автор, сосуществуют две системы институционализации социального поведения — формальная (официальная) и неформальная (традиционная), и хотя вторая является основной и решающей, но первая в известной степени ориентирует вторую и накладывает на нее известные ограничения, в чем и состоит ее действенность.

Конечно, книга И. В. Подберезского не лишена некоторых частных недостатков. Основной из них в том, что наблюдения, сделанные исключительно на тагалах, иногда неправомерно экстраполируются на другие народы Филиппин. В особенности там, где автор говорит о горных народах, о негрито, о мусульманах юга Филиппин, чувствуется, что он знаком с ними далеко не так хорошо, как с населением района Манилы и ее окрестностей. Однако таких страниц в рецензируемой книге сравнительно немного.

Из сказанного ясно, что на конкретном примере Филиппин И. В. Подберезским сделана удачная попытка поднять и наметить пути решения важнейших проблем этнопсихологии общества, находящегося в процессе модернизации традиционных норм.

Книга И. В. Подберезского полезна не только широкому читателю, интересующемуся жизнью современных Филиппин. Она должна быть рекомендована каждому специалисту-этнографу, который заинтересован в проблемах этнической психологии, независимо от того, каким конкретным народом или регионом он занимается.

С. А. Арутюнов

PERSONALIA

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК С. М. АБРАМЗОНА *

[К 70-летию со дня рождения]

Комсомольская деревня. В сб.: «Комсомол в деревне», Л., 1926, стр. 7—21.

Современное манаство в Киргизии. «Сов. этнография» (далее — СЭ), 1931, № 3—4, стр. 43—59.

Манаство и религия. СЭ, 1932, № 2, стр. 82—97.

К вопросу об изучении населения Таджикистана. В сб.: «Проблемы Таджикистана», Л., 1934, т. II, стр. 169—176.

Творчество киргизского народа. Сб. «Сов. этнография», 1940, т. III, стр. 77—88.

Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса «Манас»). «Труды Ин-та языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР» (далее — ТИЯЛИ), вып. I, Фрунзе, 1944, стр. 167—180.

* Полный список опубликованных работ С. М. Абрамзона включает 105 названий.